

Кристина Азимут

18+

Невинная
Подарок для
демона

RA

Кристина Азимут

Невинная. Подарок для демона

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Азимут К.

Невинная. Подарок для демона / К. Азимут — «ЛитРес: Самиздат», 2018

До смерти брата, единственного близкого человека, моя жизнь текла размеренно и спокойно. А потом на пороге дома появился странный человек, и я оказалась в положении рабыни за долги брата. Дорогой игрушки для пикантных утех, с одним условием - не лишать меня девственности. Мир рухнул, и не осталось ни одного близкого человека, кто бы помог выбраться. Даже расположение моего надзирателя Моргана вызывает лишь вопросы. Кто я для него, такая же игрушка, как для остальных, или нет? Но кроме него, надеяться не на кого, потому что впереди ждёт участь гораздо хуже нынешней. Пути назад не будет, ведь демоны не отдают то, что считают своим. Третья книга из цикла "Мир демонов". Предполагается жёсткость, как всегда, много секса, немножко сюжета, присутствует принуждение. Прошу это учитывать, приступая к чтению. История самостоятельная, хотя герои из прежних книг мелькнут.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пролог

– Мисс, вы готовы? – скучным голосом спросил средних лет мужчина в форменной куртке, равнодушно глядя в сторону и держась за край простыни.

Я судорожно стиснула пальцы, не отрывая взгляда от стола, и дёргано кивнула, надеясь, что не потеряю сознание. И... что там, под этой простыней, не Никлас, мой брат. Пусть у нас и разные матери, но отец один, и с тех пор, как родители умерли, мы остались друг у друга одни. Никлас присматривал за мной и оберегал, но... Потом что-то пошло не так. Мы переехали из поместья в городской дом за полгода до моего совершеннолетия, брат сказал, надо устраивать мою судьбу. Моего приданого и сбережений родителей должно было хватить, чтобы обеспечить меня приличным гардеробом и попробовать найти достойного молодого человека, чтобы выйти замуж.

Но месяца через три Никлас начал пропадать по вечерам, возвращался поздно, и зачастую от него пахло крепким алкоголем. Я всё ждала, когда же мы начнём готовиться к моему выходу в свет, однако слуг в доме становилось меньше, я заметила, что стали пропадать дорогие вещи... А несколько дней назад Никлас исчез. Ушёл вечером, пряча взгляд и сказав, что скоро вернётся, и всё. Я места себе не находила, не зная, куда бежать и к кому обращаться, металась по опустевшему дому, заламывая руки, и вот сегодня после завтрака даже собралась в ратушу, заявлять об исчезновении брата. Только ко мне сами пришли представители городской стражи и сообщили, что надо опознать тело. Я сначала не поверила, но мне показали документы, которые нашли на... теле, и они принадлежали Никласу.

И вот я здесь, в холодном помещении морга, перед столом и кем-то, накрытым простыней. Во мне ещё теплилась надежда, что это ошибка, что Никласа просто обокрали, а сам он уже дома, потрёпанный, но живой и невредимый... Работник морга всё с тем же скучающим лицом отёрнул простыню, и я едва сдержала крик, уставившись в бледное, восковое лицо Никласа, моего брата. Единственного родного человека, остававшегося у меня. Мои скрюченные пальцы вцепились в полы жакета, который я наспех накинула, выходя за представителем власти, воздух застрял в горле, не желая проталкиваться в горло.

– Узнаёте? – тем же тоном спросил работник морга, и я снова кивнула, борясь с приступом дурноты.

Потом всё-таки сумела произнести:

– К-как... его... – не договорила, собственный голос, хриплый, как карканье вороны, показался слишком громким в этом царстве тишины и холода.

– Кинжал под рёбра, отравленный для верности, – пожал плечами мужчина, правильно истолковав мой невысказанный вопрос, потом накинул простыню обратно. – Вам нашатыря дать, мисс? Надо подписать бумаги. Когда будете тело забирать?

Дальше я помню всё, как в тумане. Хорошо ещё, мой день рождения, справленный в компании немногочисленных оставшихся слуг и самого Никласа, не забывшего про него, настал неделю назад, и я теперь имела доступ к счёту в банке. Правда, всё никак не могла дойти, привыкнув к тому, что делами заправляет брат. А завтра предстояло всё-таки навестить банк и взять денег на похороны. Я не помнила, как добралась домой, очнувшись только, осознав, что сижу на кухне и крошу чёрствый хлеб прямо на стол, уставившись перед собой невидящим взглядом. В бронзовом подсвечнике горела одинокая свеча – на улице уже стемнело, надо же, а я и не заметила. В кухне было пусто и холодно, в очаге не горел огонь – видимо, последние слуги не пришли сегодня на работу. Зябко поёжившись, я обхватила себя руками и потерянно огляделась, не зная, что делать дальше. Выйти в таверну, поужинать?.. Вроде у меня ещё остались какие-то карманные деньги, выданные Никласом...

И тут в дверь позвонили, прервав мои невесёлые размышления. Долго и настойчиво. Я вздрогнула и уставилась на выход, сердце ёкнуло от нехорошего предчувствия. Кто это так поздно, неужели ещё что-то случилось?! Звонок раздался ещё раз, и я поднялась, на негнущихся ногах направившись к двери. Взялась за ручку и настороженно спросила:

– Кто там?

– Мисс Дорси, откройте, будьте любезны, – раздался уверенный, незнакомый голос. Мужской. – Нам надо поговорить.

– А вы можете прийти утром? – предложила я, не собираясь впускать на ночь глядя незнакомцев.

Ведь теперь меня некому защитить...

– К сожалению, нет, – раздался ответ. – Не волнуйтесь, я не причиню вам вреда. Это касается вашего брата, Никласа.

О, господи. Я в очередной раз вздрогнула и поспешно повернула замок, приоткрыв дверь.

– Он умер, – глухо ответила я, пытаясь разглядеть фигуру в тёмном плаще и капюшоне.

– Да, но оставил после себя долги, – мягко ответил незнакомец и поднял руку в перчатке с зажатыми бумагами. – И их надо оплатить. Так мы можем поговорить, мисс Дорси?

Долги? У Никласа были долги?.. Прикусив губу, я ещё мгновение колебалась, а потом открыла дверь шире, отступив в сторону и пропуская незнакомца в дом. Будь, что будет, даже если со мной что-нибудь сделают. Мне всё равно. Я осталась одна, без поддержки, растерянная и не понимающая, как дальше жить. И если эта самая жизнь вдруг прервётся...

– Пройдёмте, – пригласила я позднего гостя в соседнюю гостиную.

Я даже не представляла, чем обернётся этот вечерний визит, и всего через полчаса сильно пожалела, что открыла дверь незнакомцу.

Глава 1

Заняв кресло, я настороженно покосилась на мужчину, сжав ладони на коленях, внутреннее напряжение заставляло тихонечко звенеть натянутые нервы. Незнакомец выглядел дорого и элегантно, одежда пошита из хорошей ткани и сидела безупречно. Белоснежная рубашка, сверкавшая в кружевах булавка с крупным рубином, начищенные ботинки – я подумала, не ошибусь, если предположу, что передо мной настоящий аристократ. Только что его связывает с Никласом и мной? Мой взгляд задержался на лице, холёном, гладком, с тяжёлой челюстью и чётко очерченными полными губами. Чуть прищуренные глаза смотрели пристально и оценивающе, и мне тут же захотелось поёжиться и обхватить себя руками, спрятаться от этих пронзительных глаз. В них притаился холод, несмотря на лёгкую улыбку на лице, и мне это совсем не нравилось.

– Я вас слушаю, – тем не менее, мой голос звучал спокойно, хотя внутри всё переворачивалось от непонятого тревожного волнения. – Что там с моим братом?

– Долги, – повторил мужчина, и улыбка стала шире. – Ваш брат много играл, мисс Дорси, и оставил эти расписки, – он снова потряс в воздухе бумагами. – А долги надо возвращать, – мягко добавил незнакомец, и у меня по спине скатилась волна холодных мурашек.

Облизнув губы и поправив бессознательным жестом прядь волос за ухом, я отвела взгляд и пробормотала:

– Я... я не знала, что Никлас играл... У меня осталось наследство...

– Уже нет, – перебил этот незнакомец, и от его слов я вздрогнула, испуганно глянув на гостя.

– Что? – вырвалось у меня недоверчиво.

– Нет больше вашего наследства, мисс Дорси, Никлас проиграл и его, а вот это, – он небрежно бросил листы на стол, – осталось. А я не люблю, когда мне остаются должны и не платят по счетам. Карточный долг священен, мисс. Вы знаете? – любезно осведомился он, выгнув тёмную бровь.

Я растерянно моргнула, бросив взгляд на бумаги: там действительно стояла подпись Никласа, и – цифры, цифры, цифры... Поздний гость не врал, брат в самом деле оставил долги после себя.

– Я... Я не знаю, что вам сказать, – беспомощно пробормотала, сжав пальцы. – У меня остался только этот дом, и если я его продам, мне некуда идти...

– У вас и дома нет, мисс, – так и не представившийся мужчина выудил из вороха одну из бумаг и помахал в воздухе. – Вот закладная.

Мысленно ахнув, я застыла в кресле, чувствуя, как кружится голова. Бквы расплывались перед глазами, я с трудом прочитала документ, в котором говорилось, что дом в залоге за крупную сумму. Мне казалось, я лечу в пропасть без дна, и зацепиться совсем не за что. Никлас проиграл наш дом? Дом, где мы выросли? Где жили с родителями, когда они ещё были живы? Господи, да что же такое!

– И что мне делать? – вышло жалобно, и стало неловко, что я всё-таки поддалась эмоциям перед незнакомцем.

– Отработать долги брата, любезная мисс Дорси, – уведомил мужчину и снова собрал расписки. – Вы поступаете в моё полное распоряжение и выполняете все мои приказы, а я списываю долг вашего брата, и когда он будет погашен, я вас отпущу. Могу даже взять на себя похороны, – любезно улыбнулся он, но глаза остались холодными. – Зачем такой красивой девушке заниматься таким тяжёлым делом.

Краска бросилась мне в лицо, я съёжилась, понимая, что возмущаться бессмысленно. Этот аристократ всё равно сделает по-своему, даже если я откажусь.

– Вы... хотите, чтобы я стала вашей любовницей? – едва слышно спросила я, теребя складку на юбке.

В ответ раздался мягкий смех, и мне стало ещё больше не по себе.

– О нет, дорогая моя мисс Дорси. Я хочу, чтобы вы развлекали других своим прекрасным обществом, а за время, проведённое с вами, я буду получать определённую плату. Она и пойдёт на погашение расписок вашего брата.

В гостиной повисла густая, плотная тишина, пока я осознала услышанное. Мне предлагают стать... продажной женщиной для утех?!

– Что вы такое говорите, сударь, это невозможно, – пролепетала я, впившись ногтями в ладонь и сдерживая намеревавшиеся от обиды и отчаяния слёзы. – Я же приличная девушка... Давайте, я стану вашей горничной, или ещё готовить умею...

– Нет, – покачал головой мужчина, даже не собираясь представляться, кстати. – Только на моих условиях, мисс Дорси. Но могу вас обрадовать, ваша невинность не пострадает, – гадко усмехнулся он, и лицу снова стало жарко от двусмысленности его фразы. – Есть много других способов удовлетворить мужчину, и вам придётся научиться им. Да, предвосхищая ваш вопрос, в случае, если вы не согласитесь, вас ждёт долговая тюрьма. Там с вами точно не будут церемониться.

Я знала, что это так. «Долговая тюрьма» звучало ещё страшнее, чем «девушка для утех». И потом... он что-то сказал о сохранении моей невинности... Может, всё не так страшно, как мне рисует разыгравшееся воображение?

– У тебя нет выбора, девочка, – тем же мягким голосом произнёс незнакомец. – Завтра утром я вернусь, и ты поедешь со мной, или я выставлю тебя из *моего* дома, – он выделил местоимение, – и дальше с тобой будут разбираться приставы.

После чего он поднялся и вышел, не прощаясь, а я осталась сидеть в гостиной, потерянная, испуганная и онемевшая. Всё случилось слишком быстро, я не могла осознать, что осталась нищей и практически на улице. И чтобы закрыть долги погибшего брата, мне придётся заплатить своим телом. Посидела, уставившись в одну точку и пытаясь отогреть заледеневшие руки, потом встала и пошла бродить по дому, который уже не принадлежал мне. Вспоминала детство, мамину улыбку – это всё, что осталось, даже лица толком не сохранилось в памяти. Наша семья не была богатой или титулованной, папе в наследство досталось лишь небольшое поместье с землёй, с которой мы и имели скромный, но нам хватало, доход.

Теперь... Теперь я осталась одна, нищая, и без надежды на помощь – обратиться не к кому. Пойти к городской страже? А что я им скажу, что мне угрожал какой-то господин, чьего имени я не знаю? Он прав в одном, карточный долг священен, и раз Никласа больше нет в живых, то долги переходят к его родственникам. То есть, ко мне. Мысли плавали в голове туманными лентами, не цепляясь ни за что, я потерянно заходила из одной комнаты в другую, только сейчас обращая внимание, какое всё потёртое и старое. Почти не осталось бронзовых подсвечников, мыльных моему сердцу безделушек из фарфора, не увидела я и изящного туалетного столика в бывшей маминной спальне. Когда его-то Никлас успел продать? И как я этого не заметила? Густой полумрак не пугал, свечи я не зажигала, а потом, добравшись до своей комнаты, повалилась на кровать, не раздеваясь, и едва смежила веки, как провалилась в тяжёлый сон без сновидений, до самого утра. А утром разбудил настойчивый звонок в дверь...

С трудом выбравшись из вязких объятий сонливости, я сползла с кровати, кое-как пригладила гребнем растрепавшиеся волосы и разгладила помятую юбку. Переодеться бы, конечно, да только я прекрасно понимала, что последнее, до чего есть дело гостю, это мой внешний вид. Поэтому, мысленно махнув рукой, я открыла дверь, запоздало сообразив, что так и не собрала немногочисленные вещи. На пороге ждал вчерашний незнакомец, с небрежной улыбкой окинул меня взглядом и кивнул.

– Так что вы решили, мисс? – непринуждённо осведомился он, зайдя в дом и оглядываясь с видом хозяина.

Сглотнув горький ком, я сжала пальцы и опустила глаза, облизнув сухие губы. А у меня есть выбор?

– Я... поеду с вами, – едва слышно ответила и закашлялась, запершило горло. – Только мне надо забрать вещи...

– Они вам не понадобятся, – перебил мужчина и скривился, ещё раз оглядев меня. – У вас будет всё новое и больше подходящее вашему статусу, мисс Дорси. В том числе и драгоценности.

Я вздрогнула и зябко поёжилась, прикусив губу, обхватила себя руками.

– И всё-таки, есть несколько дорогих мне вещей, – пробормотала и поспешила наверх, пока он не остановил.

Черепеховый с перламутром гребень, подарок мамы, тонкая серебряная цепочка с медальоном, который я открывала очень редко. Там – портрет, почти стёршийся, но нежные черты лица и улыбку можно различить, как и золотисто-рыжие локоны. Мои имели оттенок темнее, скорее медный, и спускались до самой талии кудрявым водопадом, и я по праву гордилась своими волосами. И последняя ценная для меня вещь, заколка в виде изящной ветки сирени, украшенная эмалью и несколькими тёмно-розовыми камушками. Не рубинами, нет, чем-то поскромнее, но смотрелось украшение очень мило. Сложив нехитрые пожитки в большую деревянную шкатулку, я остановилась около шкафа, достала плащ, окинув взглядом оставшиеся платья, блузки и юбки. К сожалению, не так уж и много тех вещей, правда. Всё скромное, хоть и чистое и не заношенное.

Решительно закрыв шкаф, я вышла из спальни, стараясь не поддаваться отчаянию и не оглядываться в прошлое. Надежда, что всё не так страшно, никак не желала уходить, и я цеплялась за неё, как за последнюю соломинку. Вдруг... познакомлюсь с кем-нибудь, кто согласится выплатить долг Никласа и помочь мне? Может же такое случиться, правда? Утешая себя таким образом, спустилась в холл, где нетерпеливо прохаживался мужчина, и едва я появилась, он с отчётливым раздражением воскликнул:

– Ну наконец-то! Поторопись, Диана, у нас много дел сегодня, – он даже любезно открыл передо мной дверь и предложил локоть, когда я спустилась по ступенькам. – Вечером твой первый выход в свет, – усмехнулся неизвестный лорд, и по спине прошла волна холодной дрожи.

Господи. Вечером моя жизнь изменится навсегда и уже никогда не будет прежней, я это чувствовала.

Глава 2

На улице нас ждала чёрная карета без гербов и опознавательных знаков, внутри довольно уютная: сиденья обиты коричневым плюшем, мягкие стены, и даже имелся откидной столик. Мужчина, едва мы устроились друг напротив друга, ещё раз смерил меня оценивающим взглядом и небрежно обронил, стянув перчатки:

– Можешь называть меня Господин Эм. Сейчас мы поедем и приведём тебя немного в порядок, а то выглядишь, как замарашка, – он скривился, а мне стало обидно, и щёки потеплели от выступившего румянца.

Ничего не замарашка! Конечно, я не могла позволить себе роскошные платья и косметику, но за собой следила регулярно, в меру скромных сил и средств!

– Купальни мадам Лиаж – отличное место, чтобы сделать из тебя куколку, потом заедем к портному, он будет нас ждать, и как раз к восьми вечера закончим. Я привезу тебя туда, где ты будешь теперь жить, час на подготовку хватит, и в девять за тобой приедет экипаж.

– А... где я буду жить? – робко поинтересовалась, стиснув юбку.

– В одном из особняков, принадлежащих мне, под присмотром, – невозмутимо ответил Господин Эм. – Выйти из него сможешь только в сопровождении, – добавил он и усмехнулся. – Будешь хорошей девочкой, ничего тебе плохого не сделается. Бывает даже, мужчины одаривают подарками и деньгами, и их можешь оставлять себе, – милостиво разрешил Господин Эм, а потом добавил жёстким голосом. – Похоронами займись, не переживай, могила твоего брата будет рядом с родителями. Но даже не вздумай сбежать или что-то с собой сделать. Достану с того света.

И почему-то я не сомневалась: он не просто пугает, а так и делает. Невольно поёжилась и кивнула. Мне не хватит храбрости сделать с собой что-то, я боюсь боли и вида крови. Ну а сбежать... Господи, куда?! У меня здесь ни родных, ни знакомых, и денег теперь тоже нет. Куда мне идти? Некуда, правда. Даже упоминание знаменитых на весь город купален не подняло настроения. Страх свернулся холодной змеёй внизу живота, покусывая время от времени, и пальцы тоже оставались холодными. Неизвестность пугала, а неизвестность с отчётливым непристойным подтекстом – вдвойне.

Собравшись с духом, я всё-таки спросила, пока мы неторопливо ехали по улицам города:

– Что... ждёт меня вечером?

Мой сопровождающий развалился поудобнее, прикрыл глаза и заговорил.

– Это закрытый вечер, дорогая моя, куда приходят по особому приглашению богатые и очень богатые. Мужчины и женщины там развлекаются, и на этом вечере позволено всё, – голос Господина Эм стал вкрадчивым, бархатистым, но мурашки от него побежали холодные, и змея в животе заворочалась, вырастая в размерах. – Женщины, которые приходят туда сами, вольны развлекаться по своему желанию, а вот те, кого туда приводят, – он издал смешок, от которого захотелось сжаться в комочек и забиться в дальний угол кареты, – не имеют права голоса, дорогая моя Диана. Ты будешь ублажать тех, кто за тебя заплатит, и так, как они захотят. Единственное непреложное условие – ты должна остаться девственницей. Ну да есть много способов доставить мужчине удовольствие и без лишения оной.

Лицо полыхнуло жаром, я отчаянно покраснела от непристойного намёка и выпалила:

– Я... не знаю, как...

– О, ничего страшного, – непринуждённо отмахнулся Господин Эм и снова издал похабный смешок. – Научишься в процессе. А твой сопровождающий проследит, чтобы тобой не слишком увлеклись. И может, даже поможет кое-чему научиться.

Боже, кто-то ещё и... наблюдать будет. Я подавила желание зажмуриться и вдавила ногти в ладони, прогоняя слабость. Потом, когда останусь одна, если будет такая возможность.

Дальше мы ехали в тишине. У меня пропало желание расспрашивать Господина Эм, а он тоже не спешил продолжать разговор. Я же погрузилась в невесёлые мысли, стараясь справиться со страхом и отвращением и отогнать панику, грозившую захлестнуть с головой. Как же... Как же я, с каким-то незнакомым мужчиной, ещё и в присутствии кого-то ещё, буду... буду... Дальше фантазия сконфуженно молчала, поскольку я понятия не имела, что же на самом деле меня ждёт. Что-то гадкое и неприличное, и вряд ли я получу от всего этого удовольствие. Как приличная девушка, я имела весьма смутное представление о том, что же происходит между мужчиной и женщиной, и уж тем более, о всяких развратных штучках. Ох...

Карета неожиданно остановилась, я встрепелась и выглянула в окно: мы приехали. Экипаж остановился у роскошного особняка с лепниной, на окнах которого стояли горшки с яркими цветами – купальни мадам Лиаж. Сердце невольно забилося быстрее, и даже улыбка появилась на губах: конечно, провести хотя бы несколько часов здесь стоило баснословных денег. Но зато хозяйка предоставляла полный комплекс банных услуг, а для особых гостей – особые услуги. Мадам держала штат готовых на всё девушек, умевших сделать клиентам не только массаж и косметические процедуры, а для богатых женщин – специальных юношей. Конечно, неофициально, но слухи ходили по всему городу. Господин Эм вышел первый и протянул руку, помогая выйти из кареты, потом мы подошли к роскошному мраморному крыльцу с колоннами и вошли в гулкий, просторный холл. Тут тоже на полу лежала мраморная плитка, и к нам от широкой лестницы, уходившей наверх двумя плавными завитками, спешила сама хозяйка купален.

– О, мой дорогой, как я рада вас видеть! – прошептала она неожиданно высоким голосом, расплываясь в улыбке, остановилась с нами и обменялась с моим сопровождающим поцелуем в щёчку. – Это та самая крошка, о которой вы говорили? – я удостоилась пристального взгляда этой дамы.

Высокая, с уложенными в идеальную причёску золотистыми волосами, гладким лицом и холодными, оценивающими глазами бледно-голубого цвета. Пухлые, чувственные губы, остренький подбородок, гладкие плечи, обнажённые глубоким декольте – такие приличные леди днём себе не позволяют, – и розовые полушария, пикантно выглядывающие из-под кружева на корсаже. Нижних юбок мадам Лиаж не носила, и тонкий шёлк мягко обрисовывал бёдра, удивительным образом не опошляя, а лишь будоража выражение. Провокационно, на грани приличия, но – элегантно и без вульгарщины.

– Да, это она, – кивнул Господин Эм, положив руку мне на плечо.

– Прекрасный материал, – холёные, тонкие пальцы, унизанные кольцами, приподняли мой подбородок. – Что ж, мои девочки готовы, – мадам Лиаж наклонила голову к плечу. – Часа через три можете приезжать за ней.

– Чудно, это укладывается в мои планы, – мой провожатый галантно склонился над ручкой хозяйки, развернулся и ушёл, даже не попрощавшись со мной.

– Пойдём, – бросила хозяйка, тоже развернувшись, и плавной походкой направилась в глубь особняка.

Мы шли какими-то коридорами с множеством дверей, из-за каких-то доносился женский смех, плеск воды и иногда – томные стоны. Я старалась не думать, что там происходит, глядя в пол и торопливо шагая за хозяйкой купален. Щёки горели огнём, стоило только представить, что, возможно, совсем скоро и я могу оказаться за одной из таких дверей, только вот буду ли так же смеяться?.. Между тем, мы в очередной раз свернули, спустились на несколько ступенек, и мадам Лиаж распахнула ещё одну дверь, откуда вырвались клубы влажного воздуха и приятные, травяные ароматы.

– Так, здесь раздевайся, мои девочки уже ждут, – скомандовала женщина, развернувшись ко мне, потом прищурилась, окинув взглядом, и негромко добавила. – И учти, милочка, без фокусов. Чтобы никаких истерик, а не то живо угомону. Делаеть всё, что тебе скажут, ясно?

– Д-да, мадам, – пробормотала я, теребя кружево на платье, и пока не растеряла остатки смелости, уточнила. – А... раздеваться совсем?

– Догола, – отрезала мадам и, не прощаясь, вышла из помещения, и в двери отчётливо щёлкнул замок.

Я огляделась. Круглое помещение, отделанное белой с золотом мозаикой, у стен скамейки и крючки для одежды. Тихонько вздохнув, я принялась разоблачаться, понимая, что моя стыдливость здесь никого не волнует. Да и вообще... Вряд ли она поможет мне в моей новой жизни. Прикусив губу, я справилась с застёжкой на платье, сняла его и аккуратно сложила на скамейке. Потом расстегнула крючки корсета, сняла и его, и наконец, избавилась от нижней сорочки и панталон. Пол оказался на удивление тёплым, но мне всё равно было зябко. Обхватив себя руками, я покосилась на вторую дверь, за которой ждали таинственные девочки. Что ж... Глубоко вздохнув, я шагнула вперёд и взялась за ручку, резко нажав и не оставив себе времени на сомнения и переживания.

За дверью скрывалась просторная парная, наполненная ароматными клубами, с несколькими бассейнами и низким каменным столом посередине. И ещё, здесь находились девушки, штук пять, как насчитал мой заметавшийся взгляд. Тоже обнажённые, и ничуть не стеснявшиеся этого.

– О, пришла! Иди сюда, времени мало, а сделать надо много, – ближайшая ко мне решительно ухватила за руку и потянула за собой.

А дальше меня взяли в оборот, не дав ни минуты на осознание происходящего. Мыли, натирали, снова мыли, массировали ноги, обработали руки, и вскоре моя кожа стала нежной и мягкой, как у ребёнка. Когда же я совсем расслабилась, лёжа на каменном столе и млея от умелого массажа и рук девушки, втиравших в спину ароматное масло, та, первая, бывшая видимо тут главной, скомандовала:

– Ложись на спину и раздвинь ноги. С такими кустиками от тебя все мужчины разбегутся, – весело добавила она и фыркнула.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, о чём она, и моё лицо вспыхнуло, как будто в него кипятком плеснули. Пользуясь моим замешательством, массажистка перевернула меня, её ладони надавили на бёдра... Я инстинктивно напряглась, судорожно сглотнув, паника застучала молоточками в висках. Никто до сих пор не прикасался ко мне... там! И ладно бы, мужчина, но женщина!

– Милочка, перестань жеманиться, чего я там не видела! – фыркнула командирша, встав рядом и держа миску с чем-то. – Ты абсолютно не отличаешься от других женщин в этом месте, поверь! Живо ноги раздвинула, – она нахмурилась. – У нас почти закончилось время!

Прикусив губу, умирая от стыда, я подчинилась, понимая, что она способна применить силу, если я дальше буду упрямиться. Развела колени, уставившись в потолок, напряжённая, как струна, и когда ощутила мягкое прикосновение внизу живота, невольно вздрогнула, царапнув подстриженными ногтями камень. Мне что-то намазывали, густое и прохладное, тщательно и аккуратно.

– Вот, между прочим, очень полезная мазь, лишние волосы убирает, и остаётся только гладенькая кожа, – говорила девушка, делая своё дело. – Мужчины любят, чтобы тут так всё было, – со смешком добавила она. – Хватает на десять дней, потом снова надо, когда отрастать начинает. Я дам тебе с собой, будешь использовать.

Про себя подумала, что ни за что, не нужны мне эти ухищрения куртизанок. Через несколько минут специальной лопаточкой мазь соскребли, так же тщательно, как и намазывали, а после... тёплые пальцы прошлись по совершенно гладкому местечку, заставив меня пискнуть и моментально свести колени. Главная снисходительно рассмеялась, успев убрать руку.

– Ну вот, теперь порядок, – как ни в чём не бывало, произнесла она. – Иди, одевайся, твой господин придёт за тобой через четверть часа.

Я не заставила упрашивать себя дважды, почти выбежав в соседнюю комнату и наконец-то оставшись одна.

Глава 3

Едва успев облачиться в свою одежду, я услышала щелчок замка, и входная дверь открылась, вошла мадам Лиаж. Окинула взглядом, кивнула и обронила:

– Пойдём. Господин Эм уже приехал.

Мы пошли обратно переходами и коридорами, и когда вернулись в холл, я с беспокойством отметила, что за окнами стемнело. Несколько часов в купальнях пролетели совершенно незаметно... А час моей расплаты за долги умершего брата неумолимо приближался, и по спине спустилась волна колких мурашек, пальцы похолодели. Я невольно замедлила шаг, увидев знакомую фигуру, ноги налились свинцом. Господи Эм, услышав нас, повернулся, и пришлось брать себя в руки, справившись с минутной слабостью. Я удостоилась ещё одного взгляда, от которого внутри образовался ледяной ком, а потом мой хозяин сказал:

– Что ж, чудно. Даже в этих обносках она выглядит свеженькой и цветущей. Дорогая моя, ты волшебница, – а это уже мадам Лиаж.

– О, для вас всё, что угодно, дорогой мой, – прошептала она и подтолкнула меня к мужчине. – Забирайте своё сокровище.

Рука в перчатке взяла мои безвольные пальцы, и мы вышли из купален, сели в знакомую карету и поехали дальше, к портному, если правильно помню. По пути не разговаривали, да я и не имела желаний, забившись в угол и стараясь унять лихорадочную круговерть мыслей, с каждой минутой ощущая себя всё уютнее. И когда карета снова остановилась, я настолько погрузилась в переживания, что почти не запомнила, как меня обмеряли, просили примерить что-то, служанки помогали переодеваться в нечто воздушное, лёгкое, полупрозрачное и совершенно неприличное. По крайней мере, в таких нарядах я ни за что не выйду на улицу. Да и вообще, даже из комнаты. Они больше открывали, чем скрывали, а ещё... большинство из них не подразумевало белья, вообще никакого. Мои щёки пылали, когда я мельком видела себя в зеркало, казалось, от стыда все эти воздушные развратные одежды стоят на мне в момент. А мужчины, Господин Эм и портной, разглядывали и одобрительно кивали, словно я манекен, а не девушка. В результате, договорившись, что всё, что подошло, пришлют в особняк, где я теперь буду жить, мой сопровождающий вернул меня в экипаж.

– Что ж, славно, – довольно произнёс он, когда мы тронулись. – В девять вечера за тобой заедет экипаж, я встречу уже на месте. Как раз успеешь поужинать, но много не ешь, – он издал двусмысленный смешок. – Лучше приехать на вечер налегке.

Я не стала уточнять, почему, подозревая, что ответ мне не слишком понравится.

– Слуги в доме есть, но они без лишней надобности не появляются на втором этаже, где расположены твои комнаты, – продолжил пояснять Господин Эм. – Да и вообще предпочитают не попадаться на глаза. Не переживай, я плачу им достаточно, чтобы они не болтали, а за слухи они знают, как я умею наказывать, – голос мужчины стал жёстким. – И просить их помочь бесполезно, надеюсь, ты это понимаешь, крошка.

Опустив взгляд на свои судорожно сцепленные пальцы, я еле выговорила непослушными губами:

– Мне... некуда идти...

– О, рад, что ты осознаёшь это, – непринуждённо отозвался Господин Эм. – Тогда мы договорились, ты ведёшь себя, как послушная девочка, выполняешь все мои приказы, и у тебя есть шанс выбраться из этой истории вполне обеспеченной женщиной.

Я ничего не ответила на его слова. Обеспеченной, может быть, но... Какая жизнь ждёт меня после? Только если уехать туда, где обо мне никто не будет знать, и попробовать начать жизнь сначала, постараться забыть эти дни, проведённые в лапах моего хозяина. Между тем, экипаж остановился, и Господин Эм вышел, протянув мне руку.

– Добро пожаловать, теперь это твой дом, дорогая моя.

Едва взглянув на большой трёхэтажный особняк и постаравшись скрыть дрожь, я пошла за проводником к крыльцу, поднялась, зашла в просторный и гулкий холл с широкой мраморной лестницей, покрытой тёмно-синей дорожкой. Нас никто не встречал, дверь мужчина открывал своим ключом. Мы поднялись наверх всё так же молча, я смотрела под ноги, совершенно не интересуясь убранством особняка. Передо мной распахнули очередную дверь, и я переступила порог роскошной, большой спальни, совмещённой с гостиной.

– Гардеробная и ванная вон за теми дверьми, – любезно уведомил Господин Эм. – Одежду должны скоро привезти, об ужине я распоряджусь, его принесут сюда. Ну, до вечера, отдыхай, готовься, экипаж приедет за тобой в девять, – приподняв мою голову за подбородок, он коснулся губами лба, и кожа вспыхнула, как будто там остался след от поцелуя. – Твой сопровождающий скоро подойдёт, – со смешком добавил он, и я вздрогнула.

После чего, мужчина развернулся и вышел, оставив меня одну. Я обняла себя руками, потерянно оглядевшись. Просторная, даже слишком для меня одной, комната. Роскошная кровать с мягким изголовьем, обрамлённым изящной деревянной рамой с множеством позолоченных завитушек, в изножье – резные столбики. Балдахин с тонкой кисеёй полога, сейчас убранного по обе стороны и подхваченного атласными лентами. Изящный туалетный столик с ящичками и овальным зеркалом, пуфик около него. Стены обиты шёлком с вышивкой, на полу толстый ковёр с длинным ворсом, около мраморного камина, прикрытого красивой ширмой с вышивкой стеклярусом. Ещё, там же стояла низкая и широкая кушетка с бархатным сиденьем и спинкой, около неё столик, украшенный мозаикой и перламутровыми накладками, и – глубокое, мягкое кресло. Гостиная часть отделялась от спальни занавеской, состоявшей из множества длинных нитей с крупными хрустальными бусинами, ярко сверкавшими в свете ламп. И вся отделка приглушённого малинового цвета и его оттенков, удивительно не резавших глаз и создававших интимную и уютную атмосферу.

Ничего вульгарного или вычурного, всё элегантно, дорого. Интересно, кого сюда приводил Господин Эм? Может, своих любовниц? Или... таких, как я, жертв его манипуляций, вместе с... клиентами? Во рту стало горько, я сглотнула вязкую слюну и поспешила зайти в гардеробную. Тоже довольно большая комната с зеркалом в полный рост и низким диванчиком, пока пустая, но ненадолго. Отсюда вела отдельная дверь в ванную, и я пошла исследовать свои покои дальше. Помещение для водных процедур назвать простым словом «уборная» язык не поворачивался. Стены украшала мозаика из тёмно-фиолетовых и белых кусочков, на возвышении, утопленный в пол, располагался целый маленький бассейн, на стене – полки с множеством флакончиков и коробочек. В узком шкафу я обнаружила халат и полотенце, а из блестящих медных кранов шла горячая и холодная вода. В углу виднелся фарфоровый унитаз, и я слегка покраснела. Да, особняк устроен по последнему слову техники, водопровод имелся только в самых богатых домах, могущих оплатить такую роскошь.

Прерывисто вздохнув, я позволила себе грустную улыбку, осматривая всё это великолепие. Да, мне здесь нравилось. Да, как любая девушка, я хотела красивой жизни, достатка, платьев, драгоценностей и красивого дома. Но не собиралась получать это нечестным путём или выгодной женитьбой, как другие молодые особы моего возраста. Может, наивно и неправильно, но мне хотелось верить в любовь и в то, что я встречу достойного мужчину, способного обеспечить нас всем необходимым. А сейчас... Сейчас мне предстояло жить здесь ровно до тех пор, пока не отработаю чужой долг. Никлас был моим братом, я его любила, но его долги – это его долги, и почему же он не подумал обо мне, когда садился за карточный стол?!

Прикусив губу и запретив себе плакать, я решительно нажала ручку и вышла обратно в спальню. И замерла, настороженно уставившись на сидевшего в кресле незнакомого мужчину. В рубашке, штанах и расстёгнутом жилете, камзол небрежно валялся на кушетке. Темноволосый, с аккуратным хвостиком на затылке, лицо привлекательное, с лёгкой щетиной, а выраже-

ние на нём непроницаемое. Полные губы слегка сжаты, глаза прищурены, и их цвет никак не разглядеть – слишком большое расстояние. Стопу одной ноги он положил на колено другой, рука на подлокотнике, и вся поза выглядела небрежной, расслабленной. А у меня внутри всё упало: кажется, Господин Эм говорил про то, что за мной присмотрят, и мой сопровождающий скоро придёт...

– Кто вы? – тихо спросила я, не торопясь подходить.

– Морган Айрэн, – ответил гость приятным, мягким голосом. – Твой наблюдатель. Внизу приехал портной, я велел горничной принести всё сюда, и сейчас подадут ужин. А потом начнём готовить тебя, – он усмехнулся, и от предвкушения в его словах я вздрогнула, прижавшись к двери в ванную комнату.

Ещё, в них отчётливо прозвучал недвусмысленный намёк, и появилась уверенность, что эта самая подготовка в понимании Моргана пройдёт далеко не так спокойно и безобидно, как мне казалось. Да, Господин Эм и про это говорил же, что мой надсмотрщик может и обучить кое-чему. Ох. Ну, по крайней мере, он не противный на вид. Тут же молча зашла горничная с большим подносом, на котором стояли тарелки, и споро составила всё на стол.

– Диана? – он выгнул бровь, и я мимолётно удивилась, откуда он знает моё имя, а потом сама же и объяснила себе: наверняка Господин Эм ему сказал.

Повинуясь повелительным ноткам в тоне Моргана, я молча подошла к столу, избегая смотреть на мужчину и чувствуя себя в его компании всё неудобнее с каждой минутой.

– Приятного аппетита, – любезно пожелал он, а я снова подумала, что как бы не подавиться куском под его изучающим, оценивающим взглядом.

К счастью, в спальню зашла ещё одна горничная, увешанная свёртками и пакетами, за которыми её почти не было видно – как бедная женщина не споткнулась, не понимаю. Морган тут же поднялся и направился к гардеробной, небрежно махнув служанке.

– Идите за мной, любезная, посмотрим, что там у вас есть интересного.

Они скрылись за дверью, а я принялась торопливо есть, почти не ощущая вкуса ужина. Нет, мясо было изысканным и нежным, в сливочно-пряном соусе, тушёные овощи мягкими и сочными, а вино, которое я лишь пригубила, безусловно, приятным. Но я спешила закончить с ужином, пока не появился Морган, хотя не знаю, зачем ему понадобилось смотреть, что прислал портной. Ведь это мне предстоит одеваться к предстоящему вечеру...

Мужчина пробыл в гардеробной достаточно долго, чтобы я успела поужинать, и, признаться, в какой-то момент в мою голову закрались подозрения не совсем приличного толка. Однако из гардеробной не доносилось никаких звуков, только иногда шорох и смутные голоса, спокойные и без всяких... лишних дополнений. А буквально через пару минут, как я отодвинула пустую тарелку, чувствуя себя сытой, из гардеробной наконец вышли Морган и служанка.

– Благодарю, сегодня вы больше не понадобится, – небрежно кивнул он, и горничная, опустив взгляд и наклонив голову, быстрым шагом покинула спальню, даже не посмотрев в мою сторону.

Мы остались одни, и внутри всё тревожно замерло: Морган повернулся ко мне, склонив голову к плечу и снова внимательно рассматривая.

– Что ж, – медленно произнёс он, и его губы растянула усмешка, а в глазах зажёгся огонёк. – Полагаю, пришла пора переодеваться, дорогая Диана. Этот балахон уж точно не слишком подходящая одежда для вечера, куда ты поедешь сегодня. Встань и подойди к зеркалу, – скомандовал он.

Я не сомневалась, что если начну выказывать строптивость, меня живо поставят на место, поэтому молча встала и выполнила повеление, хотя колени подгибались, а по спине безостановочно бегали холодные мурашки. Морган неторопливо приблизился ко мне, остановился за спиной, теперь рассматривая в отражении моё испуганное и напряжённое лицо. А потом вдруг усмешка стала шире, и на мои плечи легли горячие ладони, чуть сжав их.

– Снимай свои обноски, – мягко произнёс он, наклонившись, и ухо защекотало его тёплое дыхание. – Я помогу, Диана.

И его пальцы, едва ощутимо пробежавшись по изгибу шеи, взяли за первую пуговичку на застёжке моего платья.

Глава 4

Сердце скакнуло к горлу, и я нервно сжала юбку, глядя в лицо Моргана в зеркале расширенными глазами, паника молоточками застучала в висках.

– П-простите... Я и сама могу... – едва слышно попробовала возразить я, однако не двинулась с места, не зная, чего ожидать от мужчины.

Ведь мне ясно дали понять, что мои желания никого здесь не волнуют, но не попытаться я не могла. Господи, меня раздевает мужчина, которого я вижу впервые в жизни и познакоми-лась с ним всего лишь этим вечером! Немыслимо с точки зрения скромности и воспитанности, и в лицо плеснула горячая волна стыда. Губы моментально пересохли, от острого смущения сбилось дыхание, а между тем, пальцы Моргана уже справились с пуговичками, и ладони вернулись на плечи. Он приблизился вплотную, почти прижавшись ко мне, и нос уловил тонкий, горьковато-свежий аромат полыни и лимонника, и совершенно неожиданно для себя я вдруг осознала, что... он взволновал меня. Вздуроражил, заставил задыхаться чаще, и моё смущение усилилось, я в замешательстве отвела глаза.

– А мне хочется сделать это самому, – мурлыкнул Морган, стягивая ткань с плеч, и тут же повелительно бросил. – Не опускай взгляда, Диана! Этот очаровательный румянец так идёт тебе, малыш-шка, – выдохнул он, и я почувствовала прикосновение горячих губ к местечку чуть ниже уха.

Вздрыгнула, ощутив, как по телу прошла горячая волна, и внизу живота стало странно тяжело, а мышцы свела болезненная истома. Что со мной?.. Может, что-то в еде было?! Я же не могу так реагировать на совершенно бесстыдные прикосновения почти незнакомого мужчины?.. Ладони между тем спустились до самых локтей, оставляя за собой шлейф жарких мурашек, и дрожь усилилась, как и моя растерянность. Очень хотелось отойти, поправить платье, соскользнувшее с груди, закрыться от жадного взгляда мужчины за моей спиной, и я даже дёрнулась в сторону, прикусив губу. Руки метнулись вверх – тонкий батист нижней сорочки почти ничего не скрывал, и мой оторопелый взгляд замер на тёмных кружочках сосков, странно напряжённых и пульсировавших в такт рваному ритму, в котором билось сердце. Стало ещё жарче от собственного вида, но Морган перехватил мои запястья, без труда опустив их вниз.

– Диа-ана, – протянул он с явным удовольствием. – Стой спокойно, иначе мне придётся связать тебя, – бархатистым шёпотом предупредил мужчину, и его язык пощекотал кожу чуть ниже уха. Я судорожно вздохнула, и глаза широко распахнулись от вспышки ощущений, почти ослепившей и заставшей врасплох.

– Что... вы делаете? – едва слышно вырвалось у меня, и я сглотнула пересохшим горлом.

Одна его рука обвила мою талию, а вторая... легла на грудь, едва прикрытую сорочкой, и я запоздало пожалела, что в последние недели не надевала корсета. Да и то сказать, после исчезновения горничной в одиночку справиться с этой деталью нижнего белья сложно. Хотя, подозреваю, для Моргана избавить меня и от него не составило бы труда.

– Раздеваю тебя, Диана, – жарко выдохнул он, и его пальцы мягко сжали мою грудь, помассировав. – А ещё, соблазняю, – ещё один лёгкий поцелуй оставил огненный след на шее, заставив беззвучно ахнуть, мой замороженный взгляд не отрывался от отражения, где пальцы Моргана уже стянули батист с округлого холмика, полностью обнажив. – Ты такая невинная, неискушённая, не могу устоять...

Вкрадчивый голос отзывался странной дрожью внутри, заставлял нервы вибрировать, и острый стыд мешался с волнением и внезапным нездоровым любопытством. Я вдруг осознала, что мне *хотелось* узнать, что же будет дальше, и *нравилось* то, что я чувствовала. Откровенные, уверенные прикосновения Моргана к напряжённому шартику соска рождали жаркое томление, кровь стала тягучей, вязкой, а между ног словно пульсировало маленькое, горячее солнце. И...

там всё было влажным, ткань панталон намочила, и это рождало ещё большее смущение, вносящее пряную нотку в то, что творилось со мной. Сопротивляться уже не хотелось, а хотелось прислониться, прикрыть глаза и... позволить этому мужчине продолжать... Всё равно не он, так кто-то другой это сделает.

Мелькнувшая невесёлая мысль внесла горчинку в сладкий коктейль эмоций, и я прерывисто вздохнула, прикусив губу и на мгновение напрягшись. Сквозь негу пробилось беспокойство, вспомнилось, что говорил Господин Эм про мою невинность. А вдруг этот Морган не знает?! И... ох, боже мой, я стою, полуголая, в спальне, наедине с мужчиной, и позволяю ему бесстыдно прикасаться и ласкать, млея от ощущений, желая ещё... Я задохнулась от волны стыда, издала невнятный звук и снова дёрнулась, вцепившись в запястье Моргана. Нет, нет, не буду поддаваться, я же приличная девушка, господа!

– Ш-ш-ш, – рука на талии сжалась крепче, никуда не пуская, а в голосе мужчины послышались предупреждающие нотки. – Диа-ана, я всё равно это сделаю, – тихо, непреклонно произнёс Морган, легонько поглаживая твёрдую горошину соска, обводя её и щекоча подушечкой. – Господин Эм, знаешь ли, разрешил подготовить тебя, – вкрадчиво добавил он, и в следующий момент его зубы чувствительно прикусили мочку уха, а пальцы сжали вершинку.

Острая вспышка удовольствия прошла всё тело и отозвалась тягучей болью внизу живота, и я от неожиданности всхлипнула, так и не расцепив пальцев.

– П-подготовить? – тоненьким от волнения и тревоги голосом переспросила я, запнувшись.

Мягкий смех защекотал щёку, а потом Морган, легко стряхнув мои руки, уверенно стянул сорочку совсем, полностью обнажив грудь. И обнял двумя ладонями снизу, приподняв и глядя на наше отражение, большие пальцы медленно гладили ареолы по кругу, не касаясь розовых бутонов. Я замерла с колотящимся сердцем и сумбуром в мыслях, не в силах отвести взгляда от провокационного и непристойного зрелища. Руки Моргана странным образом смотрелись на мягких полушариях очень естественно, и я задышала чаще, опять поймав себя на том, что...

– Не волнуйся, твоя невинность не пострадает, – мне почудилось, в его голосе кроме непонятной насмешки промелькнули ещё какие-то эмоции, но Морган проложил цепочку лёгких поцелуев по изгибу шеи, и думать стало сложно.

Я вновь утонула в яркой вспышке ощущений, жаркими волнами расходившихся по коже, и бессильно прислонилась к Моргану. Мысли путались, щёки горели от не желавшего уходить смущения, и вместе с тем, с трудом удавалось удержаться от того, чтобы не выгнуться навстречу, бесстыдно напрашиваясь на продолжение ласки. Мысленно застонав, я всё-таки прикрыла глаза, не в силах справиться с замешательством и растерянностью, оттенявших остальные эмоции.

– Тебе ведь нра-авится, правда, Диа-ана? – протянул Морган, уверенно лаская мою грудь, играя с сосками, перемежая волнуемые поглаживания с пощипываниями.

Иголки боли лишь добавляли перчинки, Морган умело останавливался на самой грани, когда его действия могли бы быть в самом деле неприятными. Твёрдые горошины налились кровью, набухли и стали крайне чувствительными, вспыхивая от малейшего прикосновения. Я кусала губы, всё же подаваясь навстречу, непристойно выгибаясь и судорожно сжимая пальцы. Хотелось усилить это болезненно-сладкое наслаждение, получить больше, а между ног разгорелся настоящий пожар, заставляя мышцы живота скручиваться в узел от непонятных, смутных и пугающих своей силой желаний. Наверное, стоило попытаться прийти в себя, очнуться от опасного и одновременно притягательного дурмана. Отбиваться до последнего, защищаться, не поддаваться...

Но я даже представить не могла, как быстро этот Морган разбудит во мне нечто тёмное, спавшее до поры, до времени, и сейчас завладевшее телом и разумом почти полностью. И этой

сущности нравилось, боже мой, как же ему нравилось то, что со мной делали! Нравилось отзывать на ласки, жадно поглощать тот жар, что разливался в крови, желать большего и покорно подставляться под бесстыдные прикосновения... Господи, когда я успела стать такой развратной?! В жизни не мечтала ни о чём подобном, даже тайно, даже наедине с собой! Отчаяние лишь вспыхнуло падающей звездой и кануло в нараставшем урагане, и я всё же не сдержала тихого стона, когда пальцы Моргана в очередной раз сжали набухшие бутоны сосков. Около уха резко выдохнули, и я словно сквозь вату услышала бормотание:

– Какая ты чувствительная, малыш-шка, однако. Проверим, насколько, м-м?

И его ладони, оставив мою грудь, заскользили вниз по телу, стремительно избавляя от платья, а заодно и от сорочки. Дыхание перехватило от очередного острого приступа смущения, я проследила за тем, как платье осело на пол, прикрыв ноги до щиколоток и оставив меня в одних панталонах и чулках. Время, казалось, застыло, повисло в воздухе разноцветным бисером, и вдруг сознание на несколько мгновений охватило странное спокойствие и отстранённость. В конце концов, этот Морган вполне привлекательный мужчина, пусть и бесчестный и крайне невоспитанный, раз позволяет себе такие вольности с незнакомой и беззащитной девушкой. Но... Мне приятны его откровенные прикосновения, и пусть уж лучше первый раз я окажусь с этим мужчиной, чем с кем-то совсем незнакомым и непонятно, в каком месте. Неизвестно, что ждёт вечером, а сейчас...

Никто ведь не узнает. Нас никто не видит, и всё это останется только в моей памяти. И сомневаюсь, что Морган будет направо и налево рассказывать, для него я – всего лишь очередная девушка, и сколько их ещё будет. Он всё равно сделает то, что задумал, и... Мне было помимо всего прочего, очень интересно, что же это, если моя невинность останется нетронутой. А ещё, где-то в самой глубине души упрямо теплилась надежда, что вдруг... Ну, вдруг мне захотят помочь, если я расскажу свою историю...

Прикосновение ладоней к животу поверх тонкого батиста панталон вернуло в настоящее, и я поймала горящий неприкрытой страстью взгляд Моргана в зеркале.

– И что у нас тут? – выдохнул он, и в следующий момент пальцы нырнули в прорезь, заставив вздрогнуть и судорожно вздохнуть.

Господи, *там* до сих пор никто не касался, никогда. Так откровенно и бесстыдно, поглаживая гладкий холмик, избавленный от волос. И... я ничего не могла поделать, задохнувшись от волны горячих, пряных ощущений, оставшихся на языке привкусом корицы с шоколадом. Я замерла, часто дыша и прикрыв глаза, смущение не желало проходить, мешаясь с другими жаркими эмоциями, и не знала, чего хочется больше. Отпрянуть в попытке избежать прикосновения или... податься вперёд, позволив Моргану сделать то, что он хотел. И зеркало, оно отражало всё безжалостно и бесстрастно, и я видела сквозь ресницы. Мой яркий румянец, приоткрытые губы, беспомощный взгляд широко раскрытых глаз. Грудь с вызывающе торчащими, твёрдыми вершинками. Я выглядела растерянно и в то же время непристойно, и что-то было в этом зрелище полураздетой меня, с мужскими ладонями на моём теле, отчего дыхание учащалось, и становилось ещё жарче. Хотелось отвернуться, и в то же время я не могла отвести зачарованного взгляда, наблюдая, как вторая ладонь скользит вниз, оставив мою грудь, и стараясь не обращать внимания на кольнувшее разочарование.

– Такая гладенькая, ну надо же, – снова голос Моргана около уха, и... его пальцы отвели края батиста, открывая мягкие складочки, и я едва не охнула, потерявшись в замешательстве.

А он на этом не остановился, медленно погладил, отчего дрожь стала сильнее, и... раздвинул, обнажая нежную, розовую сердцевину, красноречиво влажную. И потом прикоснулся к самому сокровенному, слегка нажав.

– Продолжим? – вкрадчиво мурлыкнул мой личный демон-искуситель, пока я пыталась справиться с сорвавшимся с цепи сердцем и сбившимся дыханием.

Глава 5

– А ты не такая, как все, – задумчиво протянул Морган, а его палец продолжал обводить по кругу пылавшую огнём точку, заставляя кусать губы и едва сдерживать рвущиеся с губ стоны. – Не плачешь... Не вырываешься... Не бьёшься в истерике... – шептал он, а мои бёдра бесстыдно подавались вперёд, за новой порцией откровенно непристойной ласки, и я ничего не могла с этим поделать.

Тело не подчинялось мне, сгорая в проснувшемся огне, желая утолить странный голод, терзавший душу и лишавший воли. И поэтому я могла лишь откинуться на Моргана, тихонько всхлипнув, ноги уже не держали. Да, я не буду сопротивляться, потому что... не хочу. Сейчас – не хочу. У меня нет никого в этом мире, моё будущее туманно и пугает сильнее, чем настоящее. Всего через несколько часов ко мне будет прикасаться другой мужчина, и я даже не знаю, вызовет ли он у меня такие же чувства и желания, или... придётся заставлять себя не сопротивляться. А так, хотя бы не буду мучиться неизвестностью. Около уха раздался шумный вздох, а палец проник глубже, дальше, настойчиво скользя по нежной плоти, и я не сдержалась, ахнула в голос, выгнувшись навстречу и крепко зажмурилась.

– Горячая, и мокрая, – с тихим, довольным смешком озвучил очевидное Морган, и лицо вспыхнуло от его слов, а по телу прошла горячая дрожь. – И такая нежная, Диа-ана, – его язык пощекотал мочку, прошёлся по внешнему краю, и я едва слышно всхлипнула, чувствуя, как от шеи до пяток прокатилась волна щекочущих мурашек. – Хочешь меня, пра-авда?

– Н-не знаю, – с трудом выговорила непослушным губами, правда теряясь в ярких, незнакомых ощущениях, накрывших с головой. – Я никогда...

– Это называется желание, малыш-шка, – не дал договорить Морган, снова легонько прикусив мочку и послав молнию удовольствия до самого низа живота. И одновременно я вдруг почувствовала его палец *внутри*, там, где всё в самом деле было мокро и скользко. – И ты хочешь, чтобы я продолжил, Диана.

Не вопрос, утверждение, и возражать не осталось сил. Хотела. Очень. До сведённых судорогой мышц, до разноцветных мушек перед глазами. Я не знаю, что со мной случилось, откуда это, откуда эти эмоции, желания, и как от одних только прикосновений этого Моргана я превращаюсь в пылающий факел. Вдохнув, я тихо простонала, подавшись бёдрами навстречу, жаждающая большего, чтобы глубже, дальше... Мышцы сжались, послушно втягивая и даря новую вспышку пряных, как горячий мёд, ощущений...

– Да-а!

И палец тут же пропал, оставив мне пустоту и разочарование. Я готова была захныкать, выпрашивать ещё непристойных ласк, но не успела: Морган вдруг негромко зашипел, пробормотал ругательство и со странной досадой бросил:

– Да к чёрту!

А в следующий момент развернул меня к кровати и довольно сильно подтолкнул к ней, скомандовав:

– Сядь. Раздвинь ноги.

Словно во сне я подчинилась, послушно опустилась на край и вцепилась в него, медленно разведя колени. Собственная непристойная поза вызвала всплеск огненного фонтана желания, внизу всё болезненно ждалось в ожидании ласки. Морган стремительно шагнул ко мне, наклонился, опершись ладонью о кровать, и ухватил за подбородок, прижавшись к моим губам. Настойчивый язык властно раздвинул их, ворвался в рот, а пальцы надавили, открывая шире. Он пил моё дыхание, целовал жадно, глубоко, чувствительно покусывая, ловил мой язык и втягивал в свой рот, заставляя неумело, но отвечать. И от этого первого в жизни настоящего, страстного поцелуя кружилась голова, руки сами тянулись зарыться пальцами в тёмные

волосы, прижать ближе и отдаться на его волю полностью. Утонуть в жарком, тёмном мареве, и не думать больше ни о чём...

Напряжённые соски заныли, напрашиваясь на ласку, я невольно прогнулась, подавшись вперёд, и бедра сами раскрылись шире, а между ними всё тяжело, горячо пульсировало. А Морган вдруг оторвался от моих припухших, саднящих губ и снова толкнул, опрокидывая на кровать, и лишь на мгновение кольнули смутная тревога и волнение. Потом всё смела могучая волна предвкушения, лишившая на несколько мгновений возможности дышать, и было уже всё равно, помнит Морган или нет об условии Господина Эм. Если он захочет сделать меня своей прямо сейчас, я не остановлю. Пусть сгорю в тёмном пламени, пусть потом мне будет стыдно и плохо, но это потом. Всё равно, к прежней спокойной и тихой жизни возврата уже нет и не будет.

Губы Моргана проложили дорожку из поцелуев вдоль шеи, спустились к груди, оставляя на коже огненные узоры, и наконец язык медленно обвёл твёрдую вершинку, оставляя влажный след. Я стиснула покрывало, запрокинув голову и сходя с ума от бушевавшего в крови пожара. Да, да, да, вот та-ак... Боже, это оказывается так сладко, поддаться пороку, сдаться на милость развратным желаниям, дремавшим до поры до времени где-то очень глубоко в душе. И как оказалось мало надо для того, чтобы пробудить их. Между тем, язык Моргана пощекотал горошину соска, заставив прерывисто вздохнуть, а потом его горячие губы захватили в плен, сильно, глубоко втянув. Я охнула и тут же прикусила губу, чувствуя, как разбегаются обжигающие змейки, воспламеняя каждую клеточку. А Морган не останавливался, посаывая, аккуратно прихватывая губами и тут же заливая, то усиливая ласки до острых, на грани, ощущений, щедро приправляя удовольствие болью. То прикасаясь невесомо, едва ощутимо, обволакивая жаркой негой набухший бутон. Умелый рот играл и дразнил, доводил до иступления, и я окончательно потеряла голову, бессвязно шепча что-то и послушно выгибаясь навстречу.

Его ладонь между тем накрыла вторую грудь, пальцы чувствительно сжали вершинку, заставляя стонать и царапать покрывало. Кости плавилась, а тело превратилось в податливый воск, я растворялась в эмоциях, позволяя себе жадно впитывать их, позволяя себе... быть такой. Открытой, доступной, порочной. Позволяя удовольствию заполнить до предела, растечься по венам сладким ядом и с радостью ныряя в это опасное наслаждение. Зубы Моргана снова прихватили, сжали и оттянули, и я длинно застонала, захлебнувшись в терпкой волне переживаний, окативших до самых кончиков пальцев.

В какой момент Морган отстранился, я так и не поняла, просто неожиданно горевшие от ласк соски обжог прохладный ветерок, с моих губ сорвался всхлип, а это всего лишь он осторожно подул, добавляя контраста в ощущения. А жадные губы уже выкладывали замысловатые узоры на моём животе, спускаясь всё ниже, и только когда нетерпеливые пальцы дёрнули завязки панталон, освобождая от ненужной ткани, на самой границе сознания мелькнуло тревожное волнение. Ч-что он...

Язык прочертил влажную дорожку до самых складочек, пощекотал, а потом... Я испуганно охнула, когда его ладони надавили на внутреннюю сторону бёдер, заставляя открыться, и в следующий момент ощутила осторожное, лёгкое прикосновение к самой середине. Рефлекторно попыталась сдвинуть ноги, от острого приступа замешательства на несколько мгновений пропал дар речи, и я приподнялась на локтях, вынырнув из вязкого тумана чувственного желания.

– М-морган, – пробормотала, запнувшись, и уставилась на него ошалевшим взглядом.

– Ш-ш-ш, – он поднял голову и улыбнулся порочной, многообещающей усмешкой. – Я всего лишь покажу, что, возможно, ждёт тебя вечером, Диа-ана, – от того, как тягуче он произнёс моё имя, вдоль спины прокатилась волна горячей дрожи. – Если тот, кто за тебя заплатит, захочет это сделать.

Потом он снова опустил взгляд и... его пальцы раздвинули влажные лепестки, обнажая незащищенную, горевшую в предвкушении плоть, и я поспешно зажмурилась, облизнув сухие губы. Слова Моргана отрезвили, но лишь на миг, потому что я почувствовала, как его язык снова коснулся моего лона, обвёл трепещущий бугорок, не касаясь, тщательно вылизывая все потаённые уголки... Спустился чуть-чуть вниз и даже скользнул в упругую глубину, отчего я издала невнятный звук и не успела удержать порыв податься навстречу, приподняв бёдра. Колени сами раздвинулись ещё шире, бесстыдно раскрываясь, предлагая продолжить, и в голове не осталось больше ни одной мысли. Только пожирающее кости и плоть пламя, туманившее разум и забравшее с собой последние остатки смущения и замешательства. Губы Моргана прижались к влажному, скользкому местечку, жадно посасывали, язык играл с чувствительной точкой, то легонько дразня, то прижимая, и бёдра послушно двигались в такт, повторяя рваный ритм.

Я стремительно падала в колодец без дна, наполненный вязким, жарким удовольствием. Порочные, но такие сладкие ласки сводили с ума, и внутри натягивалась невидимая струна, грозя порваться в любой момент. Я дрожала, кусала губы и слизывала выступившие бисеринки пота, металась по кровати, беспомощно хныча и бормоча имя Моргана. А он лишь усиливал напор, и между ног всё тяжело пульсировало, болезненно вспыхивало от малейшего прикосновения к набухшим складочкам. Да простит меня Господь, но мне нравилось то, что делал со мной этот мужчина. Нравилось изгибаться под его ртом и пальцами, нравилось захлёбываться в водовороте пряных, с привкусом запретного, эмоций. Нравилось быть развратной... И хотелось ещё и ещё.

Снова ощутила неглубокое проникновение, и мышцы напряглись, пытаясь продлить острое удовольствие, но – нет, Морган строго соблюдал условие... А потом он прихватил зубами горевший кусочек плоти и чувствительно сжал, и я закричала, выгнувшись, ослеплённая обрушившейся волной наслаждения. И ещё одной, и ещё, пока Морган, крепко сжимая мои ягодицы, не давал отстраниться, а я же откровенно прижималась к его порочному рту, впитывая эмоции всем существом, купаясь в них, захлёбываясь. Ох, боже, как это упоительно, оказывается!

Только в следующий момент, даже не дав мне толком прийти в себя, Морган вдруг выпрямился, обжёт тяжёлым, хмельным взглядом и сквозь зубы процедил снова ту же фразу, что чуть ранее:

– Да к чёрту!

И неожиданно одним движением перевернул меня на живот. Я упёрлась ладонями в покрывало и привстала, попытавшись оглянуться и посмотреть на Моргана – что он задумал? Разнеженное недавним взрывом эмоций тело двигалось вяло и неохотно, ещё не до конца прошла слабость, да и голова оставалась звонкой и пустой.

– М-морган... – пробормотала я, пока он зачем-то подсовывал мне под живот подушку.

Мужчина же вдруг навалился, прижав к кровати, и обжёт ухо горячим дыханием.

– Если этого не сделаю я, то это сделают с тобой те, кто захочет развлечься с тобой вечером, – тихо произнёс он, а я вздрогнула, обескураженная словами Моргана. – И я более чем уверен, меньше всего они будут думать о твоём удовольствии, крошка.

Они. Он сказал – они. Значит... Их может быть несколько?! Однако всерьёз я испугаться не успела, как и дальше задуматься: губы Моргана, горячие, влажные, прижались к основанию шеи, язык пощекотал позвонок, и я беззвучно ахнула, выгнувшись и упёршись ладонями в покрывало. А поцелуи, жаркие, жалящие, оставляющие на коже огненный след, спускались всё ниже по спине, и я снова погружалась в тёмную пучину желаний, будто и не испытала эйфорию несколько минут назад.

Глава 6

Когда рот Моргана добрался до поясицы, мурашки разбежались по коже, оставляя на ней невидимые узоры, и я уже не контролировала собственное тело. Оно изгибалось, подставляясь под прикосновения, провокационно отставляло попку, и ноги сами раздвигались, открывая сокровенное местечко для непристойных ласк. Да, мне снова их хотелось, и внутри зарождалась знакомая дрожь предвкушения, а нежная плоть налилась жаром и тяжело пульсировала в такт неровным ударам сердца. Язык Моргана пощекотал ямочки, ладони сжали ягодицы, и я задохнулась от всплеска эмоций, хватая ртом воздух и бесстыдно приподнимая бёдра.

Тихий, довольный смех Моргана отозвался в самой глубине моего существа вспыхнувшим солнцем. Я стиснула пальцами покрывало, прикусив губу и разведя колени до предела, до тянущей боли в мышцах. Пряная волна захлестнула с головой, лишая дыхания и оставляя лишь дремучие инстинкты, и я снова подчинилась им, сдалась, даже не попытавшись вернуть ясность мыслей. Не хотела... И мне было всё равно, что задумал Морган, я плавилась от его прикосновений, поглаживаний и поцелуев, а его ладони уже широко раздвинули упругие ягодицы, и я послушно подалась навстречу, чувствуя, как мышцы нетерпеливо сжались. Ещё несколько мучительных мгновений ожидания – я была уверена, что Морган рассматривает открывшееся непристойное зрелище, – и наконец долгожданное прикосновение. Нежное и одновременно настойчивое.

Его палец медленно провёл по мокрым складочкам, раздвигая их, собирая выступившую влагу, и я длинно застонала, не в силах удержать рванувшиеся по телу огненным шквалом эмоции. А потом... Господи, нет, не может быть!.. Я ахнула от неожиданности, ощутив, как подушечка обвела тугое колечко чуть выше лона. Дёрнулась, запутавшись в сумбуре обрывков мыслей, и с губ сорвался беспомощный возглас:

– М-морган... Н-нет...

Попыталась свести ноги и перевернуться, но ладонь мужчины жёстко прижала к кровати, и хриплый голос уверенно, властно произнёс:

– Да, Диана. Просто расслабься, малыш-шка, – Морган не дал мне сдвинуть колени, ладонь вернулась на ягодицы, снова их раздвинув, и...

Теперь *там* коснулся его язык, влажный и шершавый, и я всхлипнула, широко раскрыв глаза и судорожно вцепившись в покрывало. Боже, нет, он же не может... Может, поняла я в следующий момент, когда на месте языка снова оказался палец, настойчиво раздвигая, проникая внутрь. Это было... Странно. Волнующе, непонятно, ощущения горчили на языке, прокатываясь по телу дрожью. Мышцы пытались напрячься, я не верила, что всё это происходит со мной, и... что всё-таки, не так уж и неприятно... Палец проскользнул дальше, растягивая упругое местечко, заставляя изгибаться и прерывисто дышать. Правда, не знаю, от чего больше: от желания избавиться от вторжения в попку, или... продлить его. Запретное, терпкое удовольствие начало пробиваться сквозь замешательство и острое смущение, и от такого коктейля закружилась голова. Между тем, к первому пальцу присоединился второй, аккуратно растягивая, и я всхлипнула, ослеплённая яркой вспышкой ощущений. Не давая опомниться, Морган большим пальцем нежно провёл по скользким лепесткам, добираясь до сердцевинки, мягко обводя набухший бугорок, поглаживая и дразня. Я ухнула в тёмную бездну, захваченная врасплох переживаниями, они сплелись в тугой клубок, лишая мыслей и хоть малейшего шанса на осознание происходящего.

Морган ласкал со знанием дела, и у меня просто не осталось выхода, кроме как покориться этим порочным пальцам, проникавшим в запретное местечко всё легче и глубже. Я даже не заметила, как начала послушно подаваться назад, стремясь продлить пронзительные, на грани, ощущения, мышцы перестали напрягаться, сделавшись упругими, податливыми. Всё

смешалось, повергнув сознание в тёмную пучину неправильного, но такого притягательного наслаждения... Я распласталась на покрывале, подчинившись размеренному ритму, сосредоточившись лишь на движениях между ног и в попе, и с моих губ снова срывались тихие стоны, а тело дрожало. И уже не от страха или нежелания испытать что-то не совсем приличное...

Словно издалека я услышала хриплый выдох, потом какой-то шорох, и на несколько мгновений всё прекратилось. Рука исчезла, оставив мне разочарование, и я не сдержала беспомощного хныканья, нетерпеливо заёрзав и даже попытавшись приподняться и посмотреть, что происходит. Только не успела. Сильные пальцы впились в мои ягодицы, рывком приподняв, и к узкому входу прижалось что-то гладкое, горячее и твёрдое. Всего несколько мгновений мне понадобилось, чтобы сообразить, *что* это такое. Я вскинула голову, подавившись вдохом, а в следующий момент почувствовала настойчивое вторжение, только вот предмет был гораздо толще, чем палец. Я охнула в голос, изогнувшись, потерявшись в противоречивых ощущениях, оглушённая шквалом эмоций. С моих искусанных губ снова сорвалось тихое бормотание:

– Н-не надо... пожалуйста...

Однако где-то на самой границе сознания тлела уверенность, что никто меня не послушает. Да, Морган собирался сделать то, что задумал, независимо от моего желания, но как раз желание и было, только остатки разума ему сопротивлялись. И ещё воспитания, от которого почти ничего не осталось. Я ещё пребывала в растерянности от происходящего, а тело уже прогибалось, послушно впуская в себя твёрдый ствол, мышцы перестали протестующе сжиматься. Морган неумолимо заполнял меня собой, проникая всё глубже, не останавливаясь, и напряжение внизу живота скручивалось в тугую пружину ожидания. Острая перчинка лёгкой боли оттеняла эмоции, заставляла стискивать покрывало сильнее и зажмуриваться крепче, дыша широко открытым ртом. Наконец, тихо зашипев, Морган последним рывком вошёл до конца, отчего я тихо вскрикнула, чувствуя себя насаженной на кол. Растянутой изнутри, дрожащей и беспомощной, возбуждённой до предела и захваченной странными, непонятными и в то же время остро-приятными ощущениями.

Морган остановился всего на несколько мгновений, давая мне возможность привыкнуть, его ладони неожиданно ласково провели по спине, огладили ягодицы, после чего снова крепко ухватили за бёдра. И он начал двигаться. Сначала плавно, медленно, почти полностью выходя, и я ничего не могла с собой поделать, тянулась следом, жажда вернуть неправильное, с привкусом запретного, удовольствие. Стонала в голос, чувствуя снова скольжение внутри, подаваясь назад, уже сама насаживаясь, не обращая внимания на боль и лёгкое неудобство. Было всё равно, насколько непристойно то, что происходит, значение имело лишь наслаждение, неумолимо накрывавшее всё сильнее с каждым толчком. Ритм стал жёстче, проникновения чаще, я слышала тяжёлое, хриплое дыхание Моргана, свои прерывистые стоны, становившиеся громче. Ощущала его движения внутри, мощные, глубокие, до тянущей боли, теперь уже приятной, отзывавшейся во всех уголках тела.

– Да... Ох, да-а!.. – срывались с моих губ лихорадочные слова, я зажмурилась до разноцветных кругов, полностью погрузившись в тёмное, опасно притягательное волшебство, порочное, но такое остро-сладкое, как горький шоколад с перцем.

Когда ягодицу обжёг чувствительный шлепок, я не удержалась, вскрикнула, а потом – ладонь Моргана скользнула по животу, подхватывая, приподнимая выше, хотя, казалось, куда уж больше. Его палец нырнул в набухшие складочки, нащупал горевшую огнём точку... Боже, я думала, ощущения уже не могут быть ярче, насыщеннее, чем сейчас, и как же ошибалась. Меня закрутило, завертело настоящим штормом, тело растворилось, и остались одни эмоции, жалившие болезненно-приятными вспышками. Я превратилась в обнажённый нерв, стрелявший молниями удовольствия с каждым рывком, с каждым прикосновением к трепещущему кусочку горячей плоти. Это было... Непередаваемо. На грани. Развратно и упоительно, и лико-

вание накрывало с головой, почти лишая сознания. Кажется, я просила ещё. Кажется, требовала сильнее. Утонула с головой, отрешившись от реальности и потеряв счёт времени.

Разрядка наступила неожиданно и быстро, когда движения твёрдого ствола внутри стали невыносимо частыми, словно пронзая насквозь, и сильное нажатие на горячий бугорок поставило восхитительную точку в напряжённом ожидании. Ох... Меня швырнуло в самую середину урагана, содрало кожу вместе с мышцами и оставило лишь эмоции, и я со стороны услышала собственный крик. А через мгновение и последние мощные толчки – хриплый рык Моргана, и реальность окончательно смешалась, разбилась на тысячи осколков. На несколько упоительных мгновений я перестала существовать, паря в невесомости и не ощущая тела, лишь чистый, яркий восторг и эйфорию.

...Реальность возвращалась медленно и неохотно. Мысли вяло шевелились в голове, по телу разливалась приятная усталость и мягкая истома, и так не хотелось открывать глаза, думать о том, *что* только что случилось. Я позволила совершенно незнакомому мужчине делать со мной такие вещи, какие, наверное, не позволила бы и любимому, близкому человеку. И наслаждалась этим, без всякого стыда и стеснения. Ох. А ведь ещё предстоит проклятый вечер, и... неужели я так буду вести себя с каждым, кто прикоснётся ко мне?! Боже, нет! Резко выдохнув, я распахнула глаза и невидяще уставилась в покрывало, особенно остро ощущая горячее дыхание Моргана на шее и тяжесть его тела на себе. И... как мы теперь будем дальше?

Словно угадав, о чём я думаю, он поднялся, и сразу стало неуютно и прохладно, я чувствовала влагу между ног, и захотелось в ванную, а вместе с этим желанием вернулся и стыд. Лицо вспыхнуло жаром, запыхлала и уши, и шея, и пришлось прикусить губу, чтобы не застонать, но теперь не от наслаждения. Позади послышался шорох и небрежный, спокойный голос Моргана:

– Иди, приведи себя в порядок, я пока подберу тебе что-нибудь подходящее.

Во рту ощутилась горечь. «А что ты хотела, дорогуша? Он всего лишь удовлетворил свою похоть с доступной девушкой», – раздался в голове холодный, насмешливый внутренний голос. Да, действительно. На что я могла надеяться. Собравшись с духом и запретив себе плакать, я поднялась, не поворачиваясь к Моргану, и поспешила в уборную, жажда смыть с себя следы страсти. Внутри зрела уверенность, что сейчас мужчина просто воспользовался моей растерянностью, и... Ну, наверное, пожалел и сделал мне хорошо. И всё же, он мне понравился, хотя бы внешне, может, ещё поэтому я так отзывалась на прикосновения и поцелуи. А вот что будет на вечере, с совсем незнакомыми мужчинами, которым уж точно наплевать, приятно мне или нет...

Прерывисто вздохнув и снова почувствовав острый укол замешательства, я встала под тёплые струи, зажмурившись и слизывая с губ влагу. В душу потихоньку просачивался страх, а ещё, из головы не выходили мысли о том, что Морган упомянул мужчин во множественном числе. Как... Как это может быть? То есть, меня заставят ещё и не с одним?! Вздогнув, я обняла себя руками и прислонилась лбом к стене. Внутри стало пусто и холодно, ни следа недавней томной неги не осталось. Я не хотела, чтобы {это} со мной проделывал кто-то другой, незнакомый и равнодушный, желающий лишь использовать моё тело для своего удовольствия. Боже, да от одной только мысли хотелось съёжиться и спрятаться в самый дальний и тёмный угол в этом доме.

Из нерадостных размышлений выдернул настойчивый стук в дверь, а потом она и вовсе распахнулась. Я невольно вздрогнула, уставившись на Моргана, руки сами метнулись прикрыться, а щёки обжёг румянец. Мужчина окинул меня ленивым взглядом, хмыкнул и небрежно произнёс:

– Вылезай давай. Пора собираться.

Конечно, защёлок здесь не имелось, на что я только сейчас обратила внимание, уже оставшись снова одна. Пришлось быстро ополоснуться, вытереться и выходить обратно в спальню, закутавшись в халат.

Глава 7

На кровати лежало то, во что мне предстояло облачиться. Чулки с игривыми красными бантиками и подвязки с ними же, и само платье из воздушной, мерцающей ткани, лифом с глубоким вырезом и с широким, расшитым золотом поясом. Я только хотела спросить, где остальное нижнее бельё, но вовремя прикусила язык. Глупый вопрос, Диана. Если тебя везут ублажать мужчин, зачем оно тебе, в самом деле? Я слотнула, понимая, что это платье больше открывает, чем скрывает, и вообще, похоже на домашний пеньюар. Полупрозрачное, однослойное, с почти открытой грудью, даже без корсета. С его ролью вполне справлялся жёсткий пояс.

– Раздевайся, Диана.

Голос Моргана вернул в настоящее, такой же небрежный и без капли тепла. Я покосилась в его сторону: он стоял около кровати, прислонившись к столбику и скрестив руки на груди, собранный, с приведённой в порядок одеждой, непроницаемым взглядом и лёгкой усмешкой на полных губах. Будто и не было ничего между нами всего несколько минут назад... Я отвела глаза, справившись с приступом странной тоски, лишь на языке осталась горечь. Взялась за пояс халата, развязав его слегка дрожащими пальцами. Смущение никуда не делось, хотя для Моргана никаких тайн моё тело уже не представляло, и я на несколько мгновений замешкалась перед тем, как окончательно снять халат. Конечно, это не осталось незамеченным.

– Советую побыстрее избавиться от стеснительности, Диана, – послышался ленивый голос. – В твоём положении это только навредит. Мужчины не любят трясущихся от страха и плачущих девиц, по крайней мере, далеко не все из них.

Опустив голову так, что волосы закрыли пылающее лицо, я повела плечами, позволив халату скользнуть на пол, и шагнула к кровати, желая поскорее облачиться в платье и прикрыть наготу. Пусть Морган прав, но я не могу измениться по щелчку пальцев и... и после того, что было! Ох, лучше не вспоминать, потому что низ живота неожиданно скрутила болезненная судорога, а по венам рванулся жар. Я чуть не споткнулась от неожиданности, осознав, что... кажется, опять хочу этого мужчину?! Хочу, чтобы он снова делал со мной все те восхитительно непристойные, порочные вещи...

Мои пальцы взяли тонкую ткань, я отвернулась от Моргана, путаясь в платье в поисках застёжки, и неожиданно обнаружила её на поясе. Спереди. Наряд в самом деле больше был похож на халат и просто запахивался, держась всего на двух крючках, искусно спрятанных в вышивке. А сквозь тонкую ткань юбки отчётливо проступали и чулочки, и подвязки, и – то, что на мне больше ничего нет под платьем. Сверху мерцающий материал едва прикрывал соски, а пояс приподнимал грудь, привлекая внимание к глубокой ложбинке. Боже, и вот *так* мне предстоит появиться перед множеством незнакомых людей?! Я выглядела, как дорогая девочка для удовольствий из какого-нибудь Дома развлечений, развратно и соблазнительно, и внутри всё сжалось от страха и тоски. Да, именно, девочка для удовольствий, милостью Господина Эм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.